

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
«МНОГОКАНАЛЬНЫХ» ЗАИМСТВОВАНИЙ:
СЛУЧАЙ КУРАЖ*

© 2016

Елена Львовна Березович[®],
Олеся Дмитриевна Сурикова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, 620000, Российская Федерация;
[®]berezovich@yandex.ru

В статье изучается история русского галлицизма *кураж*, рассматриваемого на фоне своих аналогов в разных языках Европы (английском, немецком, западно- и восточнославянских). Слово признается многоканальным заимствованием, поскольку оно проникло в разные формы существования русского языка различными путями: во-первых, напрямую из французского языка — в литературный язык; во-вторых, через немецкое посредничество (возможно, через дополнительные западнославянские звенья) — в просторечие, солдатский жаргон, говоры. Именно немецкое посредничество, по мнению авторов, дало толчок существенным смысловым сдвигам в народной речи, в которой представлены разнообразные негативные значения (в том числе связанные с пьянством). Авторы реконструируют обширное словообразовательное гнездо с вершиной *кураж*, выявляют его семантическую структуру, осуществляют этимологическую интерпретацию ряда диалектных слов, входящих в это гнездо, описывают логику контаминационных процессов с их участием.

Ключевые слова: диалектная лексика, контаминация, лингвистическая контактология, русская лексикология, славистика, славянская этимология, словообразовательное гнездо, теория заимствований

ON THE SEMANTIC HISTORY
OF “MULTI-CHANNEL” BORROWINGS:
THE CASE OF KURAJŽ

Elena L. Berezovich[®], Olesia D. Surikova

Ural Federal University, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation;
[®]berezovich@yandex.ru

This article examines the history of the Russian Gallicism *kurajž* in comparison with its counterparts in various European languages (English, German, Western and Eastern Slavic). This word is recognized as a multi-channel borrowing, because it has penetrated into different registers of the Russian language: on the one hand, directly from the French — into literary language; on the other, through German mediation (possibly via additional West Slavic links) — into colloquial language, soldier’s jargon, dialects. According to the authors, it was German mediation that gave impetus to significant semantic shifts of the word *kurajž* in folk speech, in which a variety of negative meanings (including those associated with alcoholism) are present. The authors reconstruct an extensive word family of the headword *kurajž*, reveal its semantic structure, carry out etymological interpretation of a number of dialect words from this word family, and describe the logic of contamination processes in which they are engaged.

* Работа выполнена в рамках реализации программы конкурентоспособности УрФУ (2013—2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)». Авторы благодарят Я. Ванякову, Д. М. Голикову, Г. И. Кабакову, Л. Краллика, О. В. Меркулову, Д. Мирич, К. В. Осипову, Г. Поповску-Таборску, Д. В. Спиридонову, И. Янышкову за ценные консультации.

Keywords: contamination, dialect vocabulary, linguistic contactology, Russian lexicology, Slavic etymology, Slavic studies, theory of borrowings, word family

В данной статье речь пойдет о заимствованном слове, которое проникло не в один десяток языков Европы. В этом случае обычно говорят об интернационализмах. Под последними, как известно, понимают «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем трех) языках» [ЛЭС: 197]. Практика использования термина «интернационализм» привела к тому, что он употребляется обычно по отношению к тем лексическим единицам, которые подвергаются в принимающих языках минимальным изменениям, проникают в них, как правило, в одно время, а также выражают какой-то «новый» (а потому «необходимый» для языков-реципиентов) смысл, имеющий терминологическую определенность. Мы же столкнемся с ситуацией, когда эти условия не соблюдаются: заимствованное слово подвергается адаптации — от незначительной до весьма существенной (по крайней мере, в нескольких из принимающих языков); процесс заимствования происходит в разное время; слово донорского языка не является термином науки, культуры и т. д. и выражает такой смысл, который на момент заимствования реализован в языках-реципиентах другими (своими) лексическими единицами. Значит, в данном случае использование термина «интернационализм» не оправдано.

Изучаемое слово (а речь будет идти о русск. *кураж*) мы условно называем многоканальным заимствованием, поскольку оно проникло, как будет показано далее, в разные подязыки реципиента — русского национального языка: литературный язык, диалекты, жаргоны. При этом проникновение осуществлялось не по обычному пути (из литературного языка в говоры), а с использованием разных дискурсивных каналов, разных форм заимствования (как письменной, так и устной). Такая ситуация (вкуче с нетерминологическим характером слова и его семантической «избыточностью» для принимающего языка) не могла не привести к существенной смысловой трансформации заимствованной единицы. Отсюда необходимость в пристальном рассмотрении социокультурных условий и обстоятельств заимствования. Присутствие слов, восходящих к тому же источнику, во многих языках заставляет проводить такой анализ на широком сопоставительном фоне.

О многоканальных заимствованиях пока очень мало известно, поскольку исследование заимствований осуществляется обычно фрагментарно, по отношению к какому-либо одному идиому / хронологическому периоду / языку, при этом комплексное исследование трудозатратно, а его результаты зависят от предельно конкретных обстоятельств контактирования, что мешает типологизации. В то же время рассмотрение заимствований такого рода значимо для воссоздания целостной и одновременно детализированной картины языковых контактов.

Слово *кураж* рассматривается нами в контексте лексических единиц, имеющих тот же источник, в ряде других языков — славянских и германских. Задачи статьи — охарактеризовать социокультурный фон и дискурсивные условия, способствовавшие заимствованию слова, уточнить тем самым обстоятельства заимствования, реконструировать основные пути семантического развития лексических единиц, принадлежащих соответствующему словообразовательному гнезду, предложить этимологические решения для «темных» элементов этого гнезда.

* * *

Слово *кураж* появилось в русском языке в начале XVIII в. [ЭСРЯ, II/8: 450]. Установление источника русского слова, на первый взгляд, не составляет проблемы. Им является франц. *courage*.

1. *Courage* во французском языке. По данным последнего издания Словаря Французской Академии, изучаемое слово имеет следующие значения: 1) ‘моральное качество, позволяющее совершать сложные шаги и смелые поступки, а также переносить страдания и преодолевать опасность’; 2) ‘энергичность, рвение, усердие, пыл’; 3) ‘человек, отличающийся благородством и сильным характером’; 4) ‘междометие, призывающее к стойкости, терпению’: *Allons, courage, mes amis! Bon courage! Du courage, nous arrivons!* и т. д. [DAF-9]¹.

Во французском языке лексема *courage* фиксируется с XI в. [Ibid.]. Слово образовано от *cœur* ‘сердце’ — и связь с мотивирующей лексемой ощутима в его значениях. Можно сказать, что *courage* — это сила и энергия сердца, душевный подъем, смелость, проявляющаяся особенно в тех ситуациях, когда от человека требуется мобилизация всех его возможностей — физических, эмоциональных, интеллектуальных и др.

Французские словари не дают для изучаемого слова негативных оттенков значений, кроме одного: ‘проявление чрезмерной жесткости, жестокости, способной ранить; цинизм, бесчувственность’ [TLFI]. Но в этом случае к слову *courage*, как правило, добавляются определения вроде *грустный, исключительный*, ср. выражение: *avoir le (triste) courage de* ‘иметь (печальную) смелость для’. Вот показательный контекст: «Quoi qu’il arrive, il faut que vous ayez, mon Révérend Père, un singulier *courage*, pour venir attrister par vos paroles lugubres et vos conjectures désolantes ces infortunés catholiques» Lamennais. «L’Avenir», 1831 (Что бы ни случилось, преподобный отец, вы должны иметь *исключительную смелость* (= *жестокость*), чтобы печалить этих несчастных католиков такими мрачными словами и скорбными пророчествами. Ламенне. «Будущее», 1831) [Ibid.].

Французское слово было заимствовано во многие европейские языки. Представим выборочный обзор значений в ряде языков, который нужен нам как в контактологических целях (выявление возможных влияний на русский), так и в типологических.

2. Так, основное значение слова *courage* в **английском языке** (заимствованного еще в среднеанглийский период [Klein, 1: 362]) определяется как ‘моральная сила или сила помыслов для противостояния опасности, страху, трудностям’ [LDEL]². Значение английского

¹ Здесь и далее перевод с французского Д. М. Голиковой; с других языков наш. — Е. Б., О. С.

Представим также основные значения, которые приводит «Trésor de la Langue Française»:

- ‘устар. настрой, отношение к жизни или к какому-то делу, идущее от сердца (сердце — природный орган, очаг внутренней жизни, хранитель моральных установок и т. д.)’, ‘метон. само сердце или сам человек, рассматриваемый через призму его характера, его страстей’; ♦ *homme de courage* (= *homme de cœur*) ‘честный человек, верный в своих поступках зову сердца и голосу морали’, ‘смелый человек’;
- ‘энергия, сила воли, проявленная во время утомительной работы’;
- ‘«твердость сердца», душевная сила, проявляющаяся в трудных ситуациях, когда необходимо принять решение, сделать выбор, либо перед лицом опасности или страдания’, ‘качество, которое инстинктивно проявляется у некоторых людей перед лицом физической опасности’, ‘стойкость, появившаяся в результате привычки к трудным ситуациям и опасности’; ‘метон. смелый человек, с жаром защищающий какую-либо идею, политический идеал и т. п.’; ♦ *courage d’opinion* (смелость мнения) ‘смелость открыто выражать свое мнение и не отступать от него, несмотря на враждебное отношение окружающих’;
- ‘черта характера, позволяющая человеку принимать верное решение в трудной с точки зрения морали ситуации’; ♦ *courage personnel, courage d’esprit* (личная смелость, смелость разума) ‘самообладание, позволяющее вести себя спокойно, сдержанно’;
- ‘преодоление себя, усилие, направленное на то, чтобы пройти через какое-то испытание, преодолеть нежелание что-то делать или признать нелегитимную правду’, ‘сила духа, позволяющая подхватывать и поддерживать смелые, дерзкие идеи’ и др. [TLFI].

² Вот более подробный перечень значений, сформулированных по возможности кратко: 1) ‘устар. сердце как вместилище чувств, побуждений; дух’; 2) ‘устар. побуждения, интенции, наклонности человека’; 3) ‘жизненная сила, бодрость, энергия’; 4) ‘черта характера, определяющая способность сталкиваться с опасностью, побеждая чувство страха; смелость, отвага’ [OED, 3].

слова, как и французского, предполагает «укорененность» *courage* в глубинах человеческого духа; это качество не напускное, не внешнее: человек обнаруживает *courage* не только на поле боя, но и вне ситуации риска, вне публичных ристалищ, оставаясь один на один со своими несчастьями; в этом плане наиболее точным аналогом в русском языке является *мужество* (об англ. *courage* на фоне его внутриязыковых и межъязыковых синонимов — польских и русских — см. в [Wierzbicka 2012]).

Вместе с тем развитие значений английского слова пошло и по другой линии. На основе семантики силы духа → устремлений, желаний в литературном английском отмечается (по крайней мере, в XVI—XVIII вв.) значение ‘сексуальное желание, сексуальная «прыть»’: «...by which time his (the stallion’s) *courage* will be pretty well cooled» (к этому времени его (жеребца) кураж уже подостынет) [OED, 3; EDD, 1: 748]. В говорах этот мотив подхватывают такие образования, как *courage-bag* (мешок для «куража») ‘мошонка’, *couragebater* (тот, у кого ослаблен «кураж») ‘кастрат’ [EDD, 1]. Таким образом, английский язык демонстрирует возможность не только сохранения, но и «снижения» значения французского слова.

Попало слово и в славянские языки. В южнославянских заимствованная лексема, по всей видимости, не испытывает существенного семантического сдвига (некоторые смысловые изменения обнаружены нами в сербском, см. ниже), в то время как западнославянские и (особенно) восточнославянские языки, помимо значений, совпадающих со значением французского слова, дают весьма любопытные трансформации, толчком для которых становится главным образом «овнешнение» того качества, которое обозначено интересующей нас лексемой.

3. Западнославянские языки. В чешском, польском и словацком слова, восходящие в конечном счете к франц. *courage*, отмечены в народной языковой традиции — в разговорном стиле литературного языка и в говорах. При этом в современном польском литературном языке слово *kuraż* считается устаревшим, оно употребляется преимущественно в составе конструкции *dla kurażu* [SJPД, 3: 1303]. Во всех трех языках заимствования считаются прямыми (из французского), по крайней мере, указание на посредничество нам не встретилось [Rejzek 2015: 356—357; WFPJP: 174; SSSJ, 1: 1101]. Время заимствования трактуется источниками так: самая ранняя фиксация словац. *guráž* относится к концу XVII в. (1696 г.) [HSSJ, 1: 387]; чеш. *kuráž* — к началу XVIII в. (1707 г.) [LDHČ]³; в польском языке *kuraż* отмечается со второй половины XVIII в. [WFPJP: 174].

Среди значений западнославянских лексем есть такие, которые соответствуют французскому источнику: чеш. устар. *kuráž* ‘мужественный настрой, сердечная сила’ [Jungmann, 2: 228], разг. ‘смелость, отвага’ [PSJČ, 2: 453], диал. (морав.) *guráš*: «To je ale *guráš* člověka, iť sám proti pěti chlápom» (Это отважный человек, если он идет против пятерых) [Bartoš 1906: 86]; словац. разг. *guráž* ‘пренебрежение опасностью, смелость, отвага, решительность’ [SSSJ, 1: 1101], диал. *guráž* ‘отвага, смелость; энтузиазм, подъем, желание что-л. делать’ [SSN, 1: 524], польск. *kuraż* ‘смелость, отвага, воодушевление, подъем, задор’ [SW, 2: 639] и др. Однако даже в этих значениях намечается некоторое смысловое расхождение: французское слово (как и английское) означает именно внутреннее качество человека, которое, как говорилось выше, может реализоваться вне ситуации риска, требующей «минутной» храбрости. В контекстах к западнославянским лексемам встречаются указания на проявление «куража» как раз в условиях риска, когда человек пренебрегает опасностью, причем делает это иногда демонстративно и провокационно: чеш. «Byl to *kurážný* a provokační čin» (Это был «куражный» и провокационный поступок) [PSJČ, 2: 453].

Отсюда другие смысловые новации в семантическом пространстве западнославянских слов и их дериватов. Так, отмечается значение напускной смелости, бравады: польск. *kurażować* ‘изображать (выдавать себя за) смелого, отважного, бравого, бравировать’: «Nie

³ В новом издании словаря Ю. Рейзeka указано, что слово впервые появилось в чешском языке в XIX в. [Rejzek 2015: 356—357]. Однако материалы [LDHČ] позволяют внести коррективы в эту датировку. Авторы благодарят И. Янышкову, отметившую данный факт.

kuražuj, boš tchórzem podszytu» (Не бравируй, ведь ты трусоват) [SW, 2: 639]⁴. Бравада, лихость может получить отражение во внешнем виде своего «носителя» — в манере надевать шляпу, в усмешке: чеш. народн. *mít klobouk (čepici) na kuráž (guráž)* ‘носить шляпу вызывающе сдвинутой на бок как знак отваги, смелости’ [Zaorálek 1963: 196; Bartoš 1906: 86; картотека PSJČ], словац. *gurážne usmievať sa* («куражно» усмехаться) [SSSJ, 1: 1101]. «Куражное» поведение может выражаться в пении, танцах: польск. диал. *kuražny* ‘любящий танцевать’ [Karłowicz, 2: 530], словац. разг. *gurážne spievať* («куражно» петь) [SSSJ, 1: 1101].

Часто встречаются указания на такую причину «куражного» состояния, как спиртное: польск. *napić się, palnąć, wychulić kieliszek (wina, wódki) dla kurażu* (напиться, выпить, хлопнуть рюмку для куража) [Scogupka, 1: 368—369], диал. *pić na kuraś* (пить для куража), «*Kuraś!*» — восклицание при выпивке, *kuraśny* ‘молодцеватый, бравый, под хмелем’ [Karłowicz, 2: 529—530], *kuraśny* ‘проявляющий охоту, рвение, полный воодушевления — в том числе после принятия спиртного’ [SGZO: 171], чеш. народн. *mít kuráž* (иметь кураж) ‘быть в подпитии’, *udělat si kuráž (guráž)* (устроить себе кураж) ‘придать себе отваги, как правило, с помощью выпивки’ [Zaorálek 1963: 196], *pít / napít se na kuráž* (о человеке неуверенном в себе, боязливом перед рискованным, ответственным делом) ‘пить, напиться алкоголя, чтобы получить уверенность в себе и отвагу’ [SČFVS: 329], словац. *vypit’ si dačo na guráž* (напиться чего-нибудь для куража) [SSSJ, 1: 1101], диал. *dodat’ si guráš* (придать себе кураж) ‘напиться’, *pid’ na guráš* (пить для куража) ‘придавать себе смелости с помощью спиртного’ [SSN, 1: 524] и др.⁵ «Алкогольные» коннотации оказываются настолько сильными, что изучаемое слово в чешском просторечии становится непосредственным обозначением спиртного, ср. чеш. *kuráž* ‘водка, самогон’: «*Koupiti si kuráž*» [Kott: 778].

Наконец, говоря о смысловых сдвигах в западнославянских языках, следует отметить и «любовные» коннотации «куража» в польских говорах: у польск. диал. *kuražny* отмечено значение ‘о девушке, которая любит парней’ [Karłowicz, 2: 529—530], а в некоторых контекстах говорится о «кураже» как о половом влечении, ср. «*Ni miał już kurasiu ku dziewkom*» (У него не было уже «куража» к девушкам) [SGZO: 171]. Логика таких семантических «флуктуаций» была нами описана для английских данных (на основе значения сильных желаний). В польском случае стоит предусмотреть еще одну возможность: притяжение *kuraż* (диал. *kuraś*) ‘кураж’ к простореч. *kuras, kuraś* ‘penis’ (← ‘большой, крупный петух, каплун’) [SW, 2: 639].

4. Украинский и белорусский языки. В украинском языке изучаемое слово и его производные не получили широкого распространения: во многих авторитетных лексикографических трудах (в их числе 11-томный «Словник української мови» (1970—1980 гг.), словари Б. Гринченко, П. Билецкого-Носенко и др.) они не фиксируются. Среди редких фиксаций в литературном языке и просторечии можно отметить, к примеру, такие: укр. *кураж* ‘напускная храбрость, развязность; игриво приподнятое состояние духа’, *куражитися* ‘вести себя дерзко, развязно, хвастаться; издеваться, глумиться над кем-либо; вести себя манерно, проявлять несговорчивость’ [ВТСУМ: 598]. Что касается времени фиксации слова, то, судя по доступным источникам, это XIX в., ср., к примеру: «На сей раз, проти свого звичаю, писатиму коротко, бо не вмію писати, не отримавши відповіді на попередній лист, — “куражу”»

⁴ Подобное развитие значений отмечено и для серб. *куражити се* — ‘храбриться, бодриться, представлять себя героем’: «Опет се они раздрелише, *куражећи се* и разжарујући псовком» (Опять они разодрались, куражась и раздражаясь бранью) [РСКНЈ, 11: 63].

⁵ Ср. также сербские контексты: *куражија* ‘храбрость, отважность, смелость’: «Оно (вино) тье намь дати свободу и *куражію*, да учинимо над ним освету» (Оно (вино) даст нам решительность и кураж, и мы отомстим ему) [РСКНЈ, 11: 62]; *куражно* ‘храбро, отважно, смело’: «Он је ... цио дан код куће помало пијуцкао, да се “куражинје” узмогне држати на концерту» (Он целый день дома немного выпивал, чтобы смелее держаться на концерте) [Там же: 63]. В сербском языке «пьяные» ассоциации не проявляются, кажется, непосредственно в значениях слов из гнезда *кураж-*, но заметны на уровне контекстной семантики.

якось не стае!»⁶ Леся Українка. Из переписки. 1892. *Кураж* и его дериваты отмечаются также в говорах: *кӯраж* ‘влечение, охота’: «Ой, *кураж*, брате, *кураж* / До баби старої. / Коло баби вітер віє, / Як на Чорногорі» [Негрич 2008: 102], *куражиться* ‘проявлять беспокойство, «зарываться», лезть в драку» [Чабаненко, 2: 232], *куражитися* ‘выглядеть молодцеватым, проявлять отвагу и др., будучи в подпитии» [Сабадош 2008: 155—156] и т. д.

В белорусском языке засвидетельствован глагол *куражыцца* ‘важничать, держаться с фанаберией’ [ТСБМ]. При этом в говорах, кажется, соответствующие вторичные заимствования не отмечены.

Белорусский глагол *куражыцца* считается французским заимствованием через русское посредничество [ЭСБМ, 5: 164], в то время как украинские источники о языке-посреднике ничего не говорят [ЕСУМ, 3: 150], что, конечно, не отрицает такой вероятности.

Этот краткий обзор значений слова в родственных языках ставит перед нами существенную проблему: каким образом, на какой почве сформировались сдвиги в семантике «куража», затронувшие как минимум западно- и восточнославянские языки, но не наблюдающиеся в языке-источнике? Слово появилось в русском языке и в западнославянских практически одновременно (конец XVII — нач. XVIII в.), «пьяные» коннотации стали отмечаться сравнительно быстро (так, русск. *в куражѣ (под куражем) быть* ‘навеселе, в подпитии’ фиксируется в XVIII в.), при этом они охватили народные языковые традиции (просторечие и говоры), что мешает думать об «очаговом» зарождении смысловых сдвигов в каком-то одном славянском языке и «цепочечном» распространении их в другие.

Стоит представить себе социолингвистический контекст, в котором могло произойти освоение изучаемого заимствования в славянских языках в XVIII в. Принадлежность слова к группе лексики, обозначающей поведение воина (на фоне активных боевых действий, которые велись в Европе в это время), и его «народный» характер заставляют предполагать, что оно могло быть «привязанным» к воинскому дискурсу. Это объясняло бы масштабность и скорость распространения смысловых сдвигов, а также (предположительно) устный характер языковых контактов (письменный путь в ту эпоху вряд ли обеспечил бы такой результат). Европейский воинский дискурс XVIII в., имевший влияние на славян, невозможно представить без участия немецкой речевой среды. Отсюда догадка, что развитие значения слова в славянских языках могло происходить с участием немецкого языка.

5. Обращение к **немецким данным** показывает, что нем. *Courage* ‘мужество, смелость, отвага’ было заимствовано из французского языка в конце XVI в. [EWD, 1: 248; Kluge: 175], при этом слово считается пришедшим в язык солдат [EWD, 1: 248]. Военная история (присоединение Австрией Венгрии в XVII в.) заставляет думать о необходимости проверить и венгерский язык. И действительно, венгерское слово *kurácsi* ‘кураж, мужество’, отмеченное в 1663—1711 гг., признается французским заимствованием, которое проникло в венгерский язык через немецкое посредничество. При этом в этимологической литературе указывается, что в венгерский оно попало как «слово солдатского языка» [MNTES, 2: 677]⁷.

Что касается семантики немецкого слова, то в знаменитом словаре братьев Гримм (XIX в.) указывается значение ‘дух; воодушевление, мужество’ [DWB: 637], а в современной версии [DUDEN] — ‘смелость, решительность, мужество, бесстрашие; физическая сила’ (см. также [Wortschatz]); среди устойчивых выражений, в которых фигурирует это слово, можно назвать, к примеру, *besitzen die Courage* ‘набраться духу, смелости’. Для нашего исследования важно, что слово фиксируется в народной речи. Так, в верхнесаксонских говорах *Courage* (*Korahsche, Karáhsche*) отмечается в значениях ‘сила’, ‘мужество, сила, дух’ (первое редкое, второе устаревшее) [WOM: 373]. Фиксируется изучаемое слово (*Kurásche* ‘смелость’) и в австро-баварском диалекте [WBÖ: 1618].

⁶ Здесь слово фигурирует в значении ‘запал, азарт’, отсутствующем в приведенных выше словарных материалах.

⁷ Возможно, немецкое или венгерское посредничество повлияло и на сербское заимствование *кӯраж*.

Наиболее интересный для нас смысловой сдвиг обнаруживается в говорах Судет: *Courage-wasser* (вода для храбрости) ‘шнапс, водка’ [SdWb, 3: 17]. Если учесть, что Судеты были немецко-чешско-польской контактной территорией, то логично предположить, что чеш. *kuráž* ‘водка, самогон’ (приведенное выше) является немецким заимствованием. В этих лексических фактах отражено представление о выпивке «для поднятия боевого духа», ср. русск. *сто грамм для храбрости*. Пристрастие немцев к спиртному в «боевых» целях стало заметной составляющей их внешнего стереотипа, ср., к примеру, англ. *Dutch courage* (немецкий / голландский кураж) ‘смелость во хмелю; кураж; уверенность, стимулированная алкоголем’; ‘алкоголь, принимаемый для храбрости’ [АВВУУ]. Показателен и французский контекст: «*Le courage de l’Italien est un accès de colère, le courage de l’Allemand un moment d’ivresse, le courage de l’Espagnol un trait d’orgueil, le courage de l’Amour*», 1822 (Храбрость итальянца — вспышка гнева, храбрость немца — миг опьянения, храбрость испанца — прилив гордости. Стендаль. «О любви») [TLFI].

Думается, немецко-чешское (и шире) контактирование не ограничивается только значением ‘водка’. Такое значение не могло сформироваться как результат случайного спонтанного сдвига, для него должна быть подготовлена почва. По всей видимости, в немецкой народной языковой стихии (особенно в солдатской речи) слово *Courage* имело смысловой оттенок пьяной удалы — если не в асертивной зоне значения, то, по крайней мере, на уровне контекстной семантики. В XVII—XVIII вв. Европу сотрясали масштабные войны (Тридцатилетняя война, Семилетняя война и др.) с участием многих стран, в том числе Франции, России, Речи Посполитой, Австрии, Пруссии и др., время от времени объединявшихся в коалиции с разной «конфигурацией» участников. Армейский дискурс разных стран в таких условиях должен был сформировать некоторое число общих элементов, определенный межъязыковой лексический фонд. Ясно, что такой фонд включал главным образом специальную военную терминологию, но, по всей видимости, туда могли попадать и нетерминологические элементы. Вероятно, элементом этого фонда был и «кураж», особенно если представить, что восклицания типа «*Courage, mes amis!*», «*Courage, soldats!*» (Смелее, друзья! Смелее, солдаты!)⁸, которые могли звучать у французов перед боем, были известны носителям других языков (о знакомстве немцев с выражением «*Bon courage!*» и использовании его в качестве французского вкрапления в немецкий см. в [Wortschatz]; об употреблении соответствующего междометия русскими см. далее). Логично думать, что коннотации заимствованной лексемы в различных языках могли приобретать сниженный характер, отражая негативное отношение к противнику, с которым ассоциировалось данное слово (конечно, это было не единственной причиной смысловых сдвигов; о других причинах см. ниже).

Выборочный обзор значений слов, восходящих к франц. *courage*, в языках Европы следует заключить таким выводом. «Кураж» заимствовался в различные языки в разное время, при этом попадал, в силу особенностей своего значения, не только в литературные (книжные) традиции принимающих языков, но и в народную речь — особенно в такой ее пласт, как армейский дискурс. Присутствие слова в нем облегчало процесс заимствования, поскольку армия была той средой, которая в наибольшей степени склонна к перемещениям и межъязыковому контактированию. По всей видимости, одним из важных «ретрансляторов» слова стал немецкий язык, что обусловлено, в числе прочего, значимой ролью войск тех стран, где использовался немецкий, в истории Европы XVII—XVIII вв. Этот «ретранслятор» мог способствовать проникновению изучаемой лексемы в народную стихию западнославянских языков и русского — вероятно, устным путем⁹. По крайней мере, «пьяные» ассоциации у «куража» в этих языках, скорее всего, появились благодаря немецкому влия-

⁸ Эти восклицания отмечены в ранних изданиях Словаря Французской Академии — 1694 и 1762 гг. (<http://artflx.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdico1look.pl?strippedhw=courage>).

⁹ Кстати, на устный путь заимствования болг. *кураж* указывают болгарские этимологи, считающие, что слово, будучи французским заимствованием, попало в болгарский через европейских поселенцев в Турции или через румынский язык [БЕР, 3: 143].

нию (разумеется, для каждого языка надо реконструировать индивидуальную траекторию лексико-словообразовательного развития).

б. В русском языке заимствование, очевидно, было «двойным»: через французский канал в «высшие» языковые сферы и через немецкий (возможно, с западнославянским посредничеством) — в «низшие». Как уже отмечалось выше, впервые «русский» *кураж* фиксируется в начале XVIII в. — в 1705 г. (а в 1708 г. — в женском роде: *куражь*) [СлРЯ XVIII в., 11: 81]. В этот период свежее французское заимствование, употребляющееся в «высокой» деловой письменности и речи представителей высшего света¹⁰, еще сохраняет смысл, присущий слову в языке-источнике: ‘смелость, бодрость, готовность к действию’ — «Неприятель... у салдат *куражи* не отнял» (Петр Великий) — и даже используется в функции междометия, призывающего не робеть: «Ге, *кураж*, не буди слаб, но побивай неприятеля» [Там же]. В начале своей семантической истории русский *кураж* проявляет и «дезидеративное» значение ‘охота, желание’, свойственное слову в языке-источнике, — «Они себя разоряют и почитай весьма *куражу* не имбют к тому купечеству» (1711—1716); на основе этой семантики (через звено ‘заинтересованность’) формируется значение ‘польза, выгода’ — «Повелѣно было брать в казну... на держателях (беглых работников) за прием по 1000 рублей..., так и принимать за тѣм, не имѣя в оном *куража* ни кто не будет» (1749—1753) [Там же].

Иноязычный облик вкупе с семантической «избыточностью» — наличием в русском языке исконных и общенародных слов того же смыслового ряда (*мужество, храбрость, смелость*) — обеспечили *куражу* судьбу варваризма. «На заре» своей истории в русском языке — в первой трети XVIII в. — это слово нередко требует подбора русского эквивалента, ср. хотя бы: «Довольно есть *куражу или смѣльства*» (1705), «*без добраго бо куражу, без сердца уповательнаго* советы не помнятся, искусство правителей помрачается, учение воинское забывается» (1722, Ф. Прокопович) [Там же]. И в середине XVIII в., и в первой половине XIX в. — когда заимствованию уже больше столетия — *кураж* продолжает осознаться как яркий галлицизм (симптоматично в этом отношении отсутствие его в «Словаре Академии Российской» и Словаре 1847 г.). Ср. в «Сатире господина Ломоносова на Третьяковского» (в известном смысле — одного из первых русских «западников»): «Все ревут тебе: “*Кураж, Тресотин, угодник наш!*”» (1757)¹¹. Показательно употребление изучаемого слова в макаронических стихах И. П. Мятлева¹²: «Как люблю я римлян племя, / Как люблю всё это время / Героизма, *дю кураж!* / Миновалось, се домаж!», «Дружба, фрейндшафт, л’амитѣ — / Точно будто бы в мытѣ / Полиявшая матерья, / Как на шляпках наших перья / Марабу пандан л’ораж; / Самобытность, *ле кураж* / Опустились и повисли; / Ни одной высокой мысли, / Ни порыва не блеснет!» (1840).

Иронический характер употребления лексемы *кураж* в XIX в. во многом определило наследие Отечественной войны 1812 г., а именно сформировавшееся после нее насмешливое и презрительное отношение к французам. Ср. раблезианские строки в «Монахе» А. С. Пушкина — русско-французского билингва, конечно, хорошо представлявшего стилистический регистр слова *courage* во французском языке: «Монах на все взирал смятенным оком: / То на стакан он взоры обращал, / То на девиц глядел чернец со вздохом, / Плешивый лоб с досадою чесал — / Стоя, как пень, и рот в сажень разинув. / И вдруг, в душе почувствовал

¹⁰ По данным [СлРЯ XVIII в., 11: 81], слово *кураж* появляется в письмах и бумагах Петра I и Екатерины II, а также в текстах деловых актов Сената и государственных законов: в «Докладах и приговорах, состоявшихся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого», «Полном собрании законов Российской империи» и др.

¹¹ Здесь и далее недокументированные контексты из художественной литературы извлечены из [НКРЯ].

¹² Эти стихи написаны языком, «представляющим удачное подражание тому смешению французского с нижегородским, которое в то время господствовало в русском обществе» [ЭСБЕ: Мятлев Иван Петрович].

кураж / И набекрень, взъярясь, клобук надвинув, / В зеленый лес, как белоусый паж, / Как легкий конь, за девкою погнался» (1813)¹³.

Появляется в семантическом развитии *куража* и другая линия, речь о которой уже шла выше (при описании семантики слова в славянских языках), — тоже снижающая пафос французского первоисточника, но не связанная напрямую с событиями 1812 г.: линия пьянства. По всей видимости, впервые «пьяный» *кураж* фиксируется в мемуаристике — «Записках» Андрея Тимофеевича Болотова (1789—1816), офицера, участника Семилетней войны, прекрасно знавшего немецкий язык, несколько лет служившего в Кенигсберге и учившегося в Кенигсбергском университете: «Некоторые из господ были очень *под куражем*» ('навеселе, в подпитии') [СлРЯ XVIII в., 11: 81]. Вероятней всего, возникновение этого значения обусловлено посредничеством немецкого «куража», и болотовский *кураж* — не совсем то же, что *кураж* Прокоповича или Мятлева (заимствованный напрямую из французского языка).

Именно «немецкий» (а не «французский») «пьяный» *кураж*, занесенный, скорее всего, участниками европейских войн или наемными иностранными офицерами в реформированной петровской (и послепетровской) армии, закрепился в русском просторечии и ушел дальше — в народные говоры. Ср. здесь простореч. *быть в (на) кураже, под куражом* 'быть навеселе, под хмельком' [ССРЛЯ, 5: 1855], *в кураже* 'кто-либо находится в состоянии опьянения, навеселе' (XIX в.) [Федоров 2012: 325], без указ. м. *куражный* 'задорливый, хмельной' [Даль, II: 224], моск. стар. *куражное* 'выпивка' [Елистратов 2004: 299], карел. *ходить под куражком* 'находиться в нетрезвом состоянии' [СРГК, 3: 62], беломор. *кураже* 'опьянение, захмеление от выпитого вина' [Дуров 2011: 199], пск. *куражество* 'веселье, пьянка' [ПОС, 16: 378], *куражить* курск. 'пировать', без указ. м. 'поить вином' [СРНГ, 16: 109; Даль, II: 224], самар., влад. *куражиться* 'веселиться в состоянии охмеления' [СРНГ, 16: 109], влг., олон. *закуражить* 'зашуметь (в голове): об ощущении опьянения' [СРНГ, 10: 177; Дилакторский 2006: 154], бурят. *закураженный* 'слегка пьяный' [СРГС, 2/1: 186] и др.

Было бы, однако, странно предполагать, что «немецкий» и «французский» *кураж*, имея одинаковый облик, параллельно, не взаимодействуя, существовали в языке-реципиенте — в разных его стратах. Безусловно, такое взаимодействие имело место, и известное нам сегодня просторечное слово *кураж* 'задор, смелость, развязность || озорство, ломанье, проявление самодурства' [МАС, 2: 151] (а также другие единицы изучаемого гнезда в просторечии и диалектах, см. ниже) представляет собой результат сложных семантических процессов, среди которых своеобразное «наложение» значений двух заимствований. Останемся на этом подробнее.

«Французский» *кураж*, описывающий поведение воина на поле боя (или — шире — человека в критической ситуации), попадает в ряд аксиологических характеристик подобного рода: *мужество, храбрость, смелость, отвага*. Как показал Ю. В. Кагарлицкий, базовым качеством таких слов является своеобразная двуплановость: с одной стороны, они «характеризуют глубинный психический статус», т. е. называют совокупность присущих воину (человеку) черт; с другой стороны, «храбрость и мужество — качества демонстративные, показательные (<...>), их показывают, ими славятся, им дивятся» [Кагарлицкий 2009: 280—281]. Слово *courage* во французском языке называет комплекс положительно оцениваемых психических свойств личности. Заимствуясь в русский и другие славянские языки, «кураж», как отмечалось выше, подвергается «овнешнению» (в том числе — в силу утраты мотивирующей связи с *cœur* 'сердце') — начинает обозначать демонстративное пренебрежение

¹³ Ср. в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского: «Он беспрестанно говорил и писал кому следует: "Я не прошу кавалерии чрез плечо или на шею, а только маленького *анкураже* (*encouragé*) в петличку". Пушкин подхватил это слово и применил его к любовным похождениям в тех случаях, когда в обращении не капитал любви, а мелкая монета ее: то есть, с одной стороны, ухаживание, а с другой — снисходительное и одобрительное кокетство. Таким образом, в известном кругу и слово *анкураже* пользовалось некоторое время правом гражданства в московской речи» (1830—1870).

опасностью, лихость, браваду, и такой семантический сдвиг (фиксирующий переход от внутреннего плана к внешнему) вполне типологичен.

Однако для того, чтобы понять, как у «русского» *куража* возникла негативная семантика, этого объяснения недостаточно: нужно обратиться к истории представлений о поведении на поле боя и иерархии качеств воина. В XVII—XVIII вв. в связи с реформами русской армии и изменением тактики боевых действий складывается оппозиция «рациональное» — «нерациональное»: воин должен проявлять «разумную» (не слепую) смелость, «свести к минимуму спонтанные реакции (...) и совершать действия, предусмотренные его строевыми обязанностями» [Там же: 292]. «Излишнее» бесстрашие, безрассудная смелость приписываются врагам, чьи достоинства невозможно отрицать, — туркам, полякам, — но в иерархии воинских характеристик располагаются заметно ниже. При этом, по наблюдению Ю. В. Кагарлицкого, слова, называющие воинские добродетели, в этот период различаются в семантическом объеме и имеют разную сочетаемость. Так, *храбрость* и *мужество* выражают безусловно положительную оценку и используются исключительно при описании русских воинов. Лексемам *смелость* и *отвага*, вошедшим в «военный» лексикон только в XVII в., наоборот, присуща оценочная амбивалентность: они часто называют нерациональное поведение, связанное с риском, действиями наудачу, дерзостью и наглостью, и могут характеризовать не только «своих» воинов, но и силы врага; см. подробно [Там же]. Особенно показательна в этом отношении судьба полонизма *отвага*: заимствованный во второй половине XVII в. и долгое время осознававшийся как лексическая инновация, он приобрел известные нам сегодня положительные коннотации только в XIX в.; до этого времени *отвага* связывалась с безрассудством и т. д. (отдельно об этом слове см. в [Кагарлицкий 2012])¹⁴.

Представляется, что заимствование *кураж* утратило на русской почве положительную оценку еще и потому, что стоящее за ним явление очутилось в «вилах» описанной оппозиции воинских добродетелей — с присущим каждой из характеристик воина прагматическим диапазоном. «Кураж», использующийся как призыв к храбрости и отваге в бою, называющий бесстрашие и витальную энергию, да еще звучащий из уст чужеземцев в качестве автохарактеристики, закономерно не попал в военный нарратив (как, кстати, и *отвага* в первые два века своего бытования в русском языке, см. [Там же]) и не смог завоевать устойчивого места в системе именовании воинских качеств. Думается, окончательно позиции этого галлицизма в военной среде были подорваны войной 1812 года.

Случившийся с *куражом* семантическое «овнешнение» и переход из воинского дискурса в «гражданский» обусловили появление таких лексических единиц, как *кураж* ‘важничание, ложная храбрость’ (XIX в.) [Смирнов 1908: 423], *для куражу* ‘для шутки, для потехи’ — «(Смекал) *для куражу* объявил им, что в Микѣху точно вселился нечистый» (1798) [СлРЯ XVIII в., 11: 81].

Можно предположить, что отмеченный в конце XVIII в. «немецкий» *кураж* с «пьяным» значением удачно наложился на *кураж* «французский», называющий разного рода выплески энергии — от заинтересованности в чем-либо до задора, лихости и т. п.: выпивка — причина и следствие *куража*, а поведение пьяного человека — своеобразный его эталон. Вероятно, появление лексико-семантического материала, восходящего к немецкому источнику, изменило коннотативный фон *куража*, обусловило преимущественную принадлежность его к народной языковой стихии (просторечию и диалектам) — и, следовательно, определило широкое распространение этого слова. Кроме того, возникновение «алкогольных» коннотаций, кажется, помогло *куражу* найти свою семантическую нишу: если зона позитивных воинских характеристик оказалась почти непроницаемой для новаций, то сфера негативных

¹⁴ Описывая судьбу слова *отвага* в русском языке XVIII в., Ю. В. Кагарлицкий делает важное для нас замечание о *кураже*: «Само слово *отвага* в то время было сравнительно свежим заимствованием и, вероятно, осознавалось как полонизм или, по крайней мере, как новое слово. Возможно, это заставляло Петра и его современников усматривать в слове *отвага* иронию, снисходительность (ср. в чем-то сходную судьбу слова *кураж* (франц. *courage* ‘мужество’))» [Кагарлицкий 2009: 296—297].

номинаций человека и его девиантных действий явилась наиболее мобильной и открытой для нового заимствования.

В словарях русского литературного языка XX—XXI вв. *кураж* имеет пометы «просторечное» или «разговорное» и получает следующие определения (помимо дефиниции ‘задор, смелость, развязность || озорство, ломанье, проявление самодурства’ из [МАС], приведенной выше): ‘непринужденность, развязность’ [Ушаков, 2], ‘озорство, похвальба, ломанье’ [ССРЛЯ, 5: 1854—1855], ‘непринужденно-развязное поведение, наигранная смелость’ [Шведова 2007: 391; Кузнецов 1998: 481], ‘задор, озорство || развязность’ [Ефремова 2000].

На базе русск. *кураж* ‘(пьяная) развязность’ возникает просторечный глагол *куражиться* ‘важничать, держаться нагло, заносчиво, безобразничать || хвастаться, хвалиться; хрибриться || ломаться’, ‘издеваться, показывая свою власть’ [ССРЛЯ, 5: 1855]. По данным [ЭСРЯ, П/8: 450—451], он впервые отмечается в 1856—1857 гг. («Былое и думы» А. И. Герцена и «Село Степанчиково...» Ф. М. Достоевского). Однако эта информация требует некоторой корректировки. Как свидетельствует [НКРЯ], это слово появляется в художественной литературе несколько раньше — в романе М. Н. Загоскина «Искуситель» (1838 г.): «— Да что ж ты сделал? — *Куражился* больно, сударь! Как посадские побежали, так я вошел в такой азарт, что свету Божьего неувидел». Глагол быстро становится активным: так, по материалам [Шайкевич и др. 2013: 260], в русской прозе 1850—1870-х гг. слово *кураж* встречается 51 раз, *куражить* — 6 раз, *куражиться* — 64 раза; согласно статистике [НКРЯ], существительное *кураж* появляется в текстах 387 раз (1722—2012 гг.), глагол *куражить(ся)* — 311 раз (1838—2010 гг.). Глагол, как и производящее существительное, принадлежит преимущественно сфере просторечия¹⁵.

Вообще слово *кураж* имеет в русском языке высокую словообразовательную активность: кроме глагола *куражить(ся)* и его производных *закуражиться* и *накуражиться* [Кузнецов 1998: 329, 586], в пределах литературного языка в разное время зафиксированы прилагательные *куражный*, *куражливый* ‘спесивый, заносчивый’ [Федоров 2012: 236; ССРЛЯ, 5: 1855] и *куражистый* [СлРЯ XVIII в., 11: 81], существительные *куражность*, *раскураже*, *куражист(ка)*, наречие *куражно* [НКРЯ], а также широко известные лексемы *обескуражить* ‘лишить уверенности в себе, привести в состояние растерянности, озадачить’, *обескураженный* ‘растерянный, озадаченный’ (последние, кстати, не имеют статуса просторечных).

7. Лексические единицы, восходящие к слову *кураж*, широко распространены и в **русских народных говорах**, куда данное слово, вероятно, проникло через городское просторечие и при посредстве армейского (солдатского) дискурса. Надо отметить, что *кураж* для русских говоров — факт «эксклюзивный», поскольку галлицизмов с абстрактной семантикой в них практически нет (см., к примеру, тематическую классификацию западноевропейских заимствований в говорах Русского Севера, представленную в [Ивашова 1999: 177—187]). Диалектные лексемы, образованные от слова *кураж*, во-первых, развивают те смысловые линии, которые представлены в литературном языке и просторечии (и свойственны «куражу» в западнославянских языках), во-вторых, испытывают смысловые трансформации — часто в результате процессов контаминации с элементами других гнезд.

Многие диалектные лексические единицы, входящие в изучаемое гнездо, имеют существенную степень деэтимологизации, что ведет к многочисленным преобразованиям корня,

¹⁵ Симптоматично, что первый взлет активности слов *кураж* и *куражиться* в художественной литературе и публицистике приходится на конец 1850-х — середину 1870-х гг.: период, когда «в зените» было творчество Ф. М. Достоевского, активно включавшего в свои тексты единицы городского просторечия. По данным [НКРЯ], лексемы, принадлежащие гнезду *кураж*, чаще всего встречаются именно у этого писателя. На втором месте В. Астафьев, ориентирующийся на крестьянскую речь; ему практически не уступает Б. Васильев, в произведениях которого также нередко воспроизводится народная языковая стихия, и заметный рост частотности *куража* наблюдается с конца 1960-х до середины 1980-х гг.

выступающего в следующих фонетических вариантах: *кураж-*, *каруж-*, *карюж-*, *коруж-*, *харюж-*, *корюж-* и *курюж-* (некоторые из этих вариантов появляются также вследствие аттракции, о которой подробнее будет сказано ниже).

Представим лексический материал, сгруппированный по основным блокам значений, которые формируются на базе простореч. *кураж* ‘задор, смелость, развязность || озорство, лomanья, проявление самодурства’. Доминантные смысловые линии связаны в первую очередь с негативными значениями¹⁶.

▪ Упрямиться, ломаться, капризничать: *кура́жить(ся)* беломор. ‘капризничать, сердиться’, влг., карел., нижегор., арх., костром. ‘упрямиться, капризничать’, мордов. ‘ломаться, упрямиться’, пск. ‘упрямиться, артачиться’ — «Сережа у нас не хочет ничего, *куражливый*, *куражится* часто» (карел.) [Дуров 2011: 199; СВГ, 4: 20; СРГК, 3: 61; ЛКТЭ; СРГМ, 1: 460; Даль, II: 224; ПОС, 16: 378—379; СГРС, 6: 281; СРНГ, 16: 109]; арх., олон., онеж. *кура́жничать* ‘капризничать, куражиться’ — «Ты чего же, милый, важничаешь, / Надо мной, дурак, *куражничает*?» [СРНГ, 16: 109]; *закура́житься* влг. ‘стать недовольным, потребовать ухаживания за собой, начать придирается к словам’, пск. ‘начать капризничать’, перм., пск. ‘заломаться, заупрямиться’ [Дилакторский 2006: 154; ПОС, 11: 278; СПГ, 1: 293]; яросл. *кура́жй строить* ‘капризничать’ [ЯОС, 5: 108]; том. *кура́ж навести* ‘раскапризничаться’ [СРНГ, 16: 109]; беломор. *кура́жник* ‘капризный, сердитый’ [Дуров 2011: 199]; краснаяр. *кура́жня* ‘капризный, заносчивый, наглый человек’ — «*Куражня* не просто капырза, *куражня* нагличат, характер *куражливый* выказыват» [СРГЮК: 169]; карел. *кура́жливый* ‘несговорчивый, упрямый’ [СРГК, 3: 62].

Семантика капризничанья ‘отвечляется» на сторону детских капризов → детского плача: пск. *кура́жить(ся)* ‘хныкать, капризничать’ — «Рябёнак *куражсыца* чаво-та, бальной, наверна» [ПОС, 16: 378—379]; *раскура́житься* новг., костром. ‘раскапризничаться, раскричаться, расплакаться’ — «Она така была *куражница*, *раскуражится*, свое спрашивает, повалится, начнет реветь» (костром.); влг., морд. ‘расплакаться’ [СРНГ, 34: 147; СВГ, 9: 29; СРГМ, 2: 1056]; влг. *кура́жница* ‘капризная девочка’ [СВГ, 4: 20]; алт., карел., новг., пск., беломор. *кура́жливо(ы)й* ‘капризный’ — «Такой *куражливый* рабёнок в внучки папафшы» (пск.) [Дуров 2011: 199; СРГА, 2/2: 122; СРГК, 3: 62; НОС: 483; ПОС, 16: 379].

Кроме детей, часто капризничают молодые девушки, поэтому *кураж* приобретает семантику жеманства, кокетничанья: пск. *кура́житься* ‘вести себя неестественно, манерничать, жеманиться’ — «А она на старости лет и туды жэ, брюночки какие-то напялила, и вот куражыцца перед зеркалом» [ПОС, 16: 378—379]; арх. ‘капризничать’ — «Иногда девки куражиться начинают, не выходят на круг танцевать» [СГРС, 6: 281]; урал., перм. *кура́жливый* ‘кокетливый’ — «Тамошние девочки важливые, да они сами куражливые» [СРНГ, 16: 109]. Разработанность образа капризной девушки подтверждают многочисленные контексты из свадебного дискурса, в которых речь идет о куражливости невесты: влг. «После сватанья подойдут и спросят: “Ты чего куражишься?”»; пск. «Сватов многа была, так я долга куражылася» и др.

¹⁶ Слова, в значениях которых заключена положительная оценка, не так многочисленны. Судя по их семантике, *кураж* может трактоваться как веселье, задор, проявление интереса к чему-л., например: влг. *кура́жить* ‘волновать, интересоваться’ — «Лет десять назад жизнь-то *куражила*, а теперь-то уж неинтересно, теперь сила-то не забирает, так всё дома сижу, скучно» [СРГК, 3: 61], пск. *кура́ж не берёт на что-н.* ‘отсутствует интерес к чему-н.’ — «И сыг, и адет, а *кураш ня бярет ни на што*, миня беды давать» [ПОС, 16: 378], беломор. *кура́ж* ‘в восторге, в опьянении от избытка чувств’ — «Сегодня ему *кураж* — дочку замуж просватал» [Дуров 2011: 199], карел., арх., твер., влад. *кура́житься* ‘веселиться’ — «Девками были, *куражились* много» (карел.) [СРГК, 3: 61; 16: 109], ленингр. *быть (не) в куражу* ‘быть в хорошем (плохом) настроении, расположении’ — «*Быть в куражу* — значит в хорошем настроении, а не в куражу — это нехорошем настроении, не в духах» [СРГК, 3: 61], пещор. *раскура́жить* ‘взбодрить, придать сил’ — «Огонь разживим, напьёмся (чаю), *раскуражыт* — пушшэ косим», «Покрепце чай, дак луцьшы *раскуражыт*, будеш такой простой, бодрый» [СРНГ, 2: 206] и др.

Другой «виток» семантики, связанной с капризами, — значение привередливости в еде: влг. *кура́жный* ‘капризный’ — «*Куражная баба — выделяется: за стол сдет и ести не станет*» [СГРС, 6: 281; Дилакторский 2006: 224]; *покура́жливо(ы)й* тюмен. ‘привередливый’, ср.-урал. ‘такой, которому трудно угодить; слишком разборчивый’ — «Мужик попался ей *покуражливой*, не всяку еду ишшо станёт ись» [СРНГ, 29: 24; СРГСУ, 4: 78]. Развитие этого значения ведет к появлению семантики брезгования: влг., мурм. *кура́житься* ‘брезговать’ — «Ведь эта пища детска, мы ее не едим, *куражимся*» (мурм.) [КСГРС; СРГК, 3: 61].

▪ Быть заносчивым, наглым, кичиться, издеваться над кем-л.: пск. *кура́житься* ‘вести себя нагло, заносчиво’ — «Вот замуш выйдиш, а мужык и *раскуражыца*, притставляит ис сибя бога, царя, вот тагда скажыш: “Вот мой *куражыца*”», ‘заноситься, гордиться, кичиться’, ‘издеваться, глумиться над кем-н.’ [ПОС, 16: 378—379]; пск. *кура́ж* ‘непонятное зазнайство’ [Там же]; юж.-урал. *кура́женица*, печор. *кура́женице* ‘непристойное поведение, глумление, издевательство’ — «Это что за *кураженице*? / Сделай, милый, одолженьице, / Не натопывай, натопывай ногой да, / Не тебе распоряжаться надо мной» [СРНГ, 16: 109]; ср.-урал., костром. *кура́жной*, *кура́жисто(ы)й*, ‘чванливый, спесивый, заносчивый’ [СРГСУ, 2: 75; ЛКТЭ].

▪ Вести себя беспокойно: пск. *кура́жить* ‘вести себя беспокойно, озорничать’ [ПОС, 16: 378]; *кура́житься* без указ. м. ‘задориться, бушевать’ [Даль, II: 224], смол., влг. ‘нервничать, волноваться’ [СРНГ, 16: 109], ‘бояться кого-, чего-либо’ [СВГ, 4: 20]¹⁷. Признаком беспокойства может реализовываться и в значениях слов, обозначающих природные явления, ср. камч. *кура́жежное озеро* ‘неспокойное озеро’ [СРНГ, 16: 109].

Комплекс этих смысловых линий с доминирующими семемами ‘ломание’, ‘издевательство’, ‘беспокойное поведение’, зачастую подкрепленный представлениями о пьяном кураже, становится основой для появления у слова *кураж* и его дериватов «деструктивных» значений. Ср., например, следующие указания на девиантное и социально опасное поведение, нередко ведущее к разрушениям: *кура́житься* пск. ‘вести себя буйно, безобразничать’ — «Таперь празникъф маль, в гармонь ни дают сыграть, напыюцца пьяными и начьну *куражыца*» [ПОС, 16: 378—379], урал. казаки ‘ссориться, драться’ [Малеча, 2: 319]; симб. *кура́жить* ‘ломать, разнообразить» [СРНГ, 16: 109]; омск. *накура́жить* ‘испортить’ [СРГС, 2/2: 339; СРСГСП, 2: 168]; ленингр. *раскура́жить* ‘попортить, измять’ [СРГК, 5: 452]. В число производных лексемы *кураж*, отражающих представления о деструктивном поведении человека, следует включить влг. *раскура́житься* ‘разгневаться, рассердиться’ [СВГ, 9: 29], а также случаи с метатезой — влг. *кару́жить* ‘проживать не только свое, но и чужое состояние’, влг. *кару́житься* ‘иметь привычку к дурным поступкам (пьянству, картежной игре и т. п.)’ [СРНГ, 13: 107] и влг. *кару́жник* ‘человек, привыкший к чему-либо дурному (пьянству, картежной игре и т. п.)’ [Там же].

Негативная семантика, присущая дериватам слова *кураж*, распространяется и на сферу физического состояния человека (утомление, ослабленность, болезнь): пск. *закура́житься* ‘замучиться, устать’ — «Я спать хачу, *закуражылась* больна» [ПОС, 11: 278], карел. *кура́жный* ‘невеселый, безрадостный’ [СРГК, 3: 62], влг. *закура́жить* ‘безл. о состоянии нездоровья’ — «*Закуражило* меня, весь день с постели не встаю» [КСГРС]. Возможна генерализация негативной семантики: влад. *кура́ж* ‘о чем-либо, неискусно сделанном’ [СРНГ, 16: 109].

Негативно-экспрессивная семантика, присущая дериватам слова *кураж*, настолько интенсивна, что она иногда испытывает потребность в воплощении с помощью формальных показателей. Так возникают единицы, образованные в рамках моделей «без- + *кураж*» и «не- + *кураж*», ср., например, свердл. *бескура́жно(ы)й* ‘не знающий стыда, наглый,

¹⁷ Семантика беспокойного поведения → интенсивного движения развивается в слове, принадлежащем жаргону летчиков, — *кура́житься* ‘крутиться (о самолете, вошедшем в штопор)’ (из личных записей авторов).

бесстыжий' [СРГСУ, 1: 43], а также случаи с метатезой: влг. *некаружнóй* 'нехороший', влг. *некаружнýй* 'некрасивый, неважный с виду', олон. *бить некаружно* 'бить бесчеловечно чем попало' [СРНГ, 13: 107; 21: 57; СВГ, 5: 94]. Примечательно, что негативизирующие префиксы в составе подобных слов лишены семантики отрицания и отсутствия: они только усиливают значение основы¹⁸. Ср. значения *без*-префиксальных лексем на базе *кураж* (с вариантами), которые продолжают основные смысловые линии, развивающиеся в гнезде: ср.-урал., сиб., перм., свердл., вост.-казах., приирт., алт. *бескуражно(ы)й*, *бескаружно(ы)й*, *бескарюжно(ы)й*, *бескоружно(ы)й* 'не знающий стыда, наглый, бесстыжий человек' [СРГСУ, 1: 43; СРГС, 1: 65; СРНГ, 2: 267—269; ИЭРГА, 1: 154; Даль, I: 64]; *бескаружник*, *бескарюжник*, *бескарюжник*, *бескоружник*, *бескарюжник* сев.-вост., иркут., якут., перм., без указ. м. 'бесстыдный, бессовестный человек', сиб., алт. 'не знающий стыда, наглый, бесстыжий человек', ср.-урал. 'грубый, бесстыжий человек' [Зотов 2010: 68; СРНГ, 2: 267; СРГС, 1: 65; ИЭРГА, 1: 154; СРГСУ, 1: 43; СРНГ, 2: 267, 282; Даль, I: 64]; арх. *бескоружник* 'озорник, безобразник' [АОС, 2: 13]; енис. *бескаружник* 'насмешник, зубоскал' [СРНГ, 2: 267]; прикам. *бескаружность* 'безобразие, распущенность нравов' [СРГЮП, 1: 54]¹⁹; печор. *бескуражица*, *бескарюжица* 'время, когда процветают беззаконие и несправедливость' [СРГНП, 1: 31; ФСНП, 1: 41]; перм. *бескарюжить* 'мучить кого-либо, издеваться над кем-либо' [СРГСПермК, 1: 92]; перм. *бескарюжничать* 'вести себя нагло, неблагодарно; бесстыдничать' [СРНГ, 2: 282].

Интенсивное фонетическое варьирование корня (*калюж-*, *каруж-*, *карюж-*, *коруж-*, *харюж-*, *корюж-*, *күрюж-*) присуще более всего именно образованиям с приставкой *без-*, что говорит о высокой степени дестимологизации таких лексем²⁰. Затемнение внутренней формы приводит не только к формальным изменениям, но и к возникновению новых значений (по-прежнему относящихся к негативному полюсу семантики): ср.-урал., перм. *бескарюжник*, *бескарюжник*, *бескуражник* 'незадачливый, непутевый, безалаберный человек' [СРГСУ, 1: 43; СРГСПермК, 1: 92; СРНГ, 2: 267—269], перм. *бескалюжный* 'безответственный, легкомысленный' [СПГ, 1: 36], тюмен. *бескоружно* 'безответственно, невнимательно' [СРГЮТО, 1: 54], арх. *бескаружно* 'без меры' [СРГС, 1: 107] и т. д.

Широта негативного смыслового спектра, характерная для диалектного *куража*, а также формальное сходство этого заимствования с целым рядом слов разного происхождения

¹⁸ Показательно, что в языке XVIII в. слова с приставкой *без-* и корнем *кураж-* сохраняли базовую семантику отсутствия, что свидетельствует о былой сохранности этимологических связей: *безкуражие*, *безкуражность* 'отсутствие одобрения, поощрения, поддержки чьей-л. деятельности; лишение кого-л. уверенности в себе' [СлРЯ XVIII в., 1: 210].

¹⁹ Ж. Ж. Варбот возводит прикам. *бескаружность* — наряду с забайк. *наскарүжник* 'пересмешник' и *наскарүжник* 'зубоскал' [Элиасов 1980: 235, 287] — к русской основе *-скарүж-* и, далее, к праслав. **skarati* [Варбот 2015: 49]. Последнее находит продолжения, видимо, только в в.-луж. *škarac* и н.-луж. *škaras* 'ковырять, мешать, размешивать (угли); подстрекать, возмущать', а также в словен. *škárati* 'отчитывать, бранить' [Там же]. По отношению к слову *бескаружность* это решение вряд ли оправдано: прикам. *бескаружность* не выбивается из ряда дериватов слова *кураж* ни семантически, ни формально (ср. другие случаи с метатезой). Что касается других предполагаемых производных основы **-скарүж-* — лексем *наскарүжник* и *наскарүжник*, — то сомнения вызывает, по крайней мере, реальность первого из них. Слово *наскарүжник* впервые зафиксировано в [Кривошапки 1865: 55] с комментарием «употребительнее *безкарусник*». Возможно, лексема представляет собой гапакс или опisku — искажение слова *наскарүжник*, в существовании которого сомневаться не приходится: по данным [Кривошапки 1865: 53; СРНГ, 20: 163; СРГС, 2/2: 356], оно бытует в томских, енисейских, курганских, читинских говорах.

²⁰ Затемнение внутренней формы вообще не редкость для дериватов слова *кураж*; на это указывает их контаминационная активность (см. ниже), а также возможность развития энантиосемии, ср., например: *бескуражн(о)ый* влг. (Кичменгско-Городецкий, Никольский р-ны) 'равнодушный, эгоистичный' и 'безотказный, не имеющий своего мнения' [КСГРС]; *күражнýй* карел. (Медвежьегорский р-н) 'невеселый, безрадостный' и 'веселый, беззаботный' [СРГК, 3: 62].

на *кур-*, *кар-* и т. д. обеспечили *куражу* **контаминационную активность**. Выскажем предположения относительно некоторых возможных контаминаций.

Популярность варианта корня *каруж-* (особенно в сочетании с приставкой *без-*) можно объяснить, по всей видимости, не только метатезой вследствие дестимологизации, но и притяжением к диалектным производным от *кара* ‘наказание’ (типа *кара́ть* влг. ‘содержать кого-либо в строгости’ [СГРС, 5: 71], зап.-брян., смол. ‘ругать, хулить’ [СРНГ, 13: 77], пск. *кара́ться* ‘принимать наказание’ [ПОС, 13: 492] и др.). Тогда внутреннюю форму слов типа *бескару́жник* ‘бессовестный человек’ (см. выше) следует прочесть как «тот, кто не знает строгости, живет без наказаний, запретов» (см. аналогичные по мотивации костромские слова *беззагро́зный*, *бессты́вный* ‘не признающий запретов, непослушный’, проанализированные в [Леонтьева 2015: 278, 298]).

Дериваты сущ. *кураж*, в значениях которых актуализируются семы ‘интенсивное движение’, ‘беспокойное поведение’, взаимодействуют с продолжениями **kura* ‘вьюга, метель’ и **kuriti* ‘кружиться, куриться, мести (о снеге)’ — *кура́*, *курёха*, *куру́ть* и др. (эти слова, помимо семантики, связанной с кружением снега, имеют и другие метеорологические значения: ‘идти дождю при сильном ветре’, ‘бушевать (о ветре)’ и др.). Указанное взаимодействие приводит к возникновению ряда слов с «метеорологической» семантикой: арх. *закура́живать* ‘часто меняться, становиться то хуже, то лучше (о погоде)’ — «Погода опять *закураживает*» [СРНГ, 10: 177]; *закура́житься* сарат., нижегор. ‘затянуться тучами, нахмуриться (о небе)’ — «На небе *закуражилось*, пошли тучки, быть дождю», смол. ‘меняться в худшую сторону (о погоде)’ [СРНГ, 10: 177; ССГ, 4: 78]; пенз. *кура́жить* ‘кружить, бушевать’ — «Ветер, он *куражит*, кругом вертит» [СРНГ, 16: 109]; *кура́житься* смол. ‘портиться (о погоде)’, мордов. ‘покрываться тучами, облаками (о небе)’ [ССГ, 5: 134; СРНГ, 16: 109; СРГМ, 1: 460]; карел. *раскура́жить* ‘стать ясным, прояснить’ — «Утром *раскуражило*, а теперь опять дождь» [СРГК, 5: 452] и др.²¹

* * *

Таким образом, русское слово *кураж* можно считать многоканальным заимствованием, поскольку оно проникало в русский язык разными путями, подпитывалось разными дискурсивными пластами. Во-первых, оно было заимствовано напрямую из французского языка, попав в «высокие» коммуникативные сферы, в речь образованной элиты, представители которой владели французским языком и знали изучаемое слово «в подлиннике». Во-вторых, оно пришло в русский, по всей видимости, через немецкое посредничество (возможно еще одно опосредующее звено — западнославянские языки, особенно

²¹ Вот еще два случая возможных притяжений. Есть смысл предполагать аттракцию *куража* к словам типа арх. *куру́житься*, свердл. *куру́жаться*, арх., влг. *куру́жить*, сев.-русс. *куру́жаветь* и др. ‘покрываться инеем’ [СГРС, 6: 291—293; СРНГ, 16: 123—124] (они восходят, по наиболее распространенной этимологической версии, к прибалтийско-финскому источнику [Аникин 2000: 328—329]). Это притяжение обыграно в вологодском анекдоте: «Мать, посылая сына к теще, говорит: “Ты пойдешь туда... *покуражься* немножко”. В гостях у тещи парень вышел из-за стола и пошел в одной рубашке в лютый мороз на улицу. Когда его нашли, он сильно замерз: “Ты чево убежал?” — “А я, — г(овор)ыт, — *к-к-кура-а-ажусь*” [Морозов, Слепцова 2004: 493]; комический эффект основан на том, что сын перепутал два близких по звучанию слова, «притянувшихся» друг к другу в его языковом сознании (подробнее о метаязыковой ситуации, представленной в этом тексте, см. в [Березович 2014: 351]).

Наконец, еще одно слово, которое могло появиться с участием изучаемой основы, — смол. *хару́жи* ‘срамные, неприличные места тела’ — «Пачитай, што биз штаноў — уси *хару́жи* наружи» [СОС: 955]. Слово является «темным», имеет статус гапакса. Им следует заниматься отдельно и не здесь, но при этом, думается, есть смысл учесть описанные выше факты других языков: англ. *courage-bag* (мешок для «куража») ‘мошонка’, а также притяжение польск. *kuraż* (диал. *kuraś*) ‘кураж’ к простореч. *kuras*, *kuraś* ‘penis’. Возможно, перед нами лексема неизвестного пока происхождения, «притянувшаяся» к продолжениям *кураж-* (*каруж-* / *хару́ж-* и др.).

польский, бывший активным источником и посредником для заимствований в русский в конце XVII—XVIII вв.), при этом реципиентом стала народная языковая стихия — просторечие и диалекты.

Известно, что какое-либо слово языка-донора может быть неоднократно заимствовано в язык-реципиент разными путями, через разных посредников. Наши представления об этом складываются обычно на основе примеров типа *чердак* — *чертог*, *шабаши* — *суббота*, *асбест* — *известь*, *ринг* — *рынок* и др.: оба элемента каждой пары имеют общий этимон, но у каждого из них была своя «траектория» заимствования. При этом в языке-реципиенте они далеко разошлись (отчасти за счет сдвигов в языках-посредниках) и никак не составляют единую лексическую единицу. Случай с *куражом* иной: здесь мы имеем одно и то же слово в лексике языка-реципиента, но семантический объем и деривационные связи этой лексической единицы формировались, как указано выше, в разных дискурсивных сферах, различных формах существования языка. Этот случай трудноуловим, поскольку получаемые в результате заимствования лексико-семантические варианты «сливаются» в одну лексическую единицу.

Многоканальные заимствования такого рода, как уже отмечалось, практически не изучены. Одним из немногих примеров такого описания является работа Д. В. Спиридонова [2012], посвященная франц. *épigone* 'эпигон'. Автор предполагает, что это слово в разных своих смысловых вариантах является параллельным независимым заимствованием во французский из греческого и из немецкого, причем в последнем случае возможно и обратное семантическое заимствование [Там же: 105]. Ситуация с *куражом* отличается от описанной тем, что в качестве одного из каналов, по которому слово проникает в язык-реципиент, выступает народная речь, диалектная и жаргонная, которая слабо документирована (и это мешает прослеживанию точной траектории слова).

В словарях иностранных слов и в этимологических словарях русского языка слово *кураж* трактуется только как галлицизм — с учетом его «дальнейших» генетических связей. Нам представляется, что необходимо указывать и на немецкое посредничество, поскольку именно таким образом можно объяснить причины сдвигов в семантике слова (это касается и западнославянских языков, особенно чешского, где влияние немецкого источника бесспорно). Кроме того, факт посредничества позволяет уточнить наши представления о существовании в Европе XVII—XVIII вв. (и позднее) особого межъязыкового лексического фонда, который формировался не только «сверху», в ходе политического и культурного взаимодействия государств, но и «снизу» — в первую очередь, в речи солдат (указание на присутствие «куража» в армейском дискурсе встретилось нам лишь в этимологических словарях немецкого и венгерского языков, но это явно можно распространить на более широкий языковой круг). Именно армейская среда была максимально открыта для «низовых» языковых контактов, обнаруживала конкретные социолингвистические условия их протекания, в ней мог стихийно складываться межъязыковой лексикон, к которому принадлежал и «кураж», циркулировавший, по всей видимости, в речи австрийских, прусских, чешских, польских, русских солдат. Возможно, первоначально это заимствование воспроизводило междометие, которым подбадривали себя французы перед боем.

Специфика данного слова заключается еще и в том, что оно *de jure* представляло собой так называемое «избыточное» заимствование, которое *de facto* таковым не стало (это касается, наверно, подавляющего большинства «избыточных» заимствований, подвергающихся в языке-реципиенте семантической адаптации, которая переводит их в разряд «необходимых»). Начальный этап жизни слова в русском языке совпал с периодом реформ в русской армии, предполагавших, среди прочего, перестройку аксиологических основ поведения воина в бою. Для воплощения представлений о положительных качествах воина, востребованных в этот период, существовали исконные слова, а заимствованная лексема, облик которой ясно указывал на принадлежность к языку военного противника, обрела шлейфом негативных коннотаций.

Самой благодатной почвой для дальнейшего развития таких коннотаций стала лексическая система русских народных говоров, куда слово попало из просторечия. Здесь оно, во-первых, максимально изолировано от своих генетических связей, что способствует скорейшей деэтимологизации. Во-вторых, его значение оказывается вписанным в народную аксиологическую систему, связываясь с разнуданным поведением, противопоставляющим «куражливому» человеку обществу (а представления о таком поведении можно признать одной из доминант народного кодекса «антиценностей»). В-третьих, наибольшей разработке подвергается глагольная составляющая словообразовательного гнезда, что соответствует ориентации диалектной лексической системы на отражение бытовых ситуаций. В-четвертых, экспрессивные смыслы, занимающие видное место в семантической организации гнезда, испытывают воздействие принципа расширения и генерализации экспрессивной семантики, который особенно активно проявляется в лексике диалектов (вследствие отсутствия нормирующих ограничений). В-пятых, благодаря своему внешнему облику, в котором отражен популярный звукокомплекс, слово подвергается многочисленным аттракциям к другим лексическим единицам. Все это способствует как количественному разрастанию гнезда, так и качественному наращиванию его смыслового потенциала, при этом многие элементы гнезда так отдаляются от вершинного слова, что их интерпретация представляет собой существенную этимологическую проблему (ср. диалектные слова с корневыми *калюж-*, *каруж-*, *харюж-*, *курюж-* и т. п.).

Итак, «куражное» словечко оказывается на перекрестке важных проблем контактологии, семантики, словообразования и этимологии. Важно изучить разнообразные примеры многоканальных заимствований, чтобы уточнить наши представления об этом явлении и вписать его в типологию лексических заимствований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. Гецовой О. Г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.
- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
- БЕР — Български етимологичен речник / Ред. Георгиев В. И. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971—. Т. 1—.
- ВТСУМ — Великий тлумачний словник сучасної української мови / За ред. Бусела В. Т. Київ, Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репр. воспр. изд. 1881 г. М.: Русский язык, 1989—1991. Т. I—IV.
- Дилакторский 2006 — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот.: Левичкин А. И., Мызников С. А. СПб.: Наука, 2006.
- Дуров 2011 — Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. Муллонен И. И. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011.
- Елистратов 2004 — Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвонциклопедический словарь: Около 7000 слов и выражений. 2-е изд., испр. М.: АСТ; Астрель; Русские словари; Транзиткнига, 2004.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Голов. ред. Мельничук О. С. Київ, 1982—2012. Т. 1—6.
- Ефремова 2000 — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. <http://www.efremova.info>
- Зотов 2010 — Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. Соколянского А. А. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010.
- ИЭРГА — Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / Под ред. Шелеповой Л. И. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007—. Т. 1—.
- Кривошапкин 1865 — Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: Изд. Импер. рус. географ. о-ва, 1865.
- КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

- Кузнецов 1998 — Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998.
- ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского ун-та (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Малеча — Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002—2003. Т. 1—4.
- МАС — Словарь русского языка / Под ред. Евгеньевой А. П. М.: Русский язык, 1981—1984. Т. I—IV.
- Негрич 2008 — Негрич М. Скарбы гуцульського говору: Березові. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2008.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorgo.ru>.
- НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. Левичкин А. Н., Мызников С. А. СПб.: Наука, 2010.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967—. Вып. 1—.
- РСКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд: Инст. за српскохрв. језик, 1959—. Књ. 1—.
- Сабадош 2008 — Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008.
- СВГ — Словарь вологодских говоров / Под ред. Паникаровской Т. Г. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983—2007. Вып. 1—12.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. Матвеева А. К. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.
- СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб.: Наука, 1984—. Вып. 1—.
- Смирнов 1908 — Смирнов В. Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с общедоступным толкованием их значения и употребления и со включением отдельных слов и фраз, употребляющихся в устной и письменной речи в их оригинальной иностранной форме. М.: б. и., 1908.
- СОС — Смоленский областной словарь / Сост. Добровольский В. Н. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914.
- СПГ — Словарь пермских говоров / Под ред. Борисовой А. Н., Прокошевой К. Н. Пермь: Книжный мир, 2000—2002. Вып. 1—2.
- СРГА — Словарь русских говоров Алтая / Под ред. Воробьевой И. А., Иванова А. И. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993—1997. Т. 1—4.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. Герд А. С. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994—2005. Вып. 1—6.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978—2006. Т. 1—8.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Ивашко Л. А. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003—2005. Т. 1—2.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. Федорова А. И. Новосибирск: Наука, 1999—2006. Т. 1—5.
- СРГСПермК — Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. Русинова И. И. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011—. Вып. 1—.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. Матвеева А. К. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964—1987. Т. 1—7.
- СРГЮК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Отв. ред. Рогова В. Н. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.
- СРГЮП — Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010—2012. Вып. 1—3.
- СРГЮТО — Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области / Под ред. Беляковой С. М. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. Т. 1—2.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. М.; Л.: Наука, 1965—. Вып. 1—.
- СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Садретдиновой Г. А. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992—1993. Ч. 1—3.
- ССГ — Словарь смоленских говоров / Отв. ред. Бояринова Л. З., Иванова А. И. Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974—2005. Вып. 1—11.

- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Наука, 1948—1965. Т. 1—17.
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1977—1984. Т. 1—5.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д. Н. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935—1940. Т. 1—4.
- Федоров 2012 — Федоров А. И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка: около 20 000 слов и выражений. М.: Восток-Запад, 2012.
- ФСНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Ставшина Н. А. СПб.: Наука, 2008. Т. 1—2.
- Чабаненко — Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпряниці. Запоріжжя: ЗДУ, 1992. Т. 1—4.
- Шайкевич и др. 2013 — Шайкевич А. Я., Андриющенко В. М., Ребечка Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850—1870-х гг. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Шведова Н. Ю. М.: Азбуковник, 2007.
- Элиасов 1980 — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.
- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890—1907 // <http://www.vchi.net/brokgauz/>
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. Цыхун Г. А. Мінск: Навука і тэхніка, 1978— Т. 1—.
- ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / Под ред. и рук. Шанского Н. М., Журавлева А. Ф. М.: Изд-во МГУ, 1963— Т. 1—.
- ЯОС — Ярославский областной словарь / Под ред. Мельниченко Г. Г. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1981—1991. Вып. 1—10.
- АВВУУ — АВВУУ Lingvo x 6: двадцать языков. Электронный словарь // www.lingvo.ru.
- Bartoš 1906 — Bartoš F. *Dialektický slovník moravský*. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906.
- DAF-9 — *Dictionnaire de l'Académie française*. Paris: Imprimerie nationale, Fayard, 1992— Т. 1— Neuvième édition. Dictionnaire électronique.
- DUDEN — *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <http://www.duden.de/woerterbuch>.
- DWB — *Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1860. Bd. 2.
- EDD — *The English dialect dictionary*. J. Wright (ed.). London: Henry Frowde; Oxford; New York: G. P. Putnam's sons, 1898—1905. Vol. 1—6.
- EWD — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Pfeifer W. (Hrsg.). Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Bds. 1—3.
- HSSJ — *Historický slovník slovenského jazyka*. Majtán M., Kuchar R., Skladaná J. (red.). Bratislava: VEDA, 1991—2008. Т. 1—7.
- Jungmann — Jungmann J. *Slovník česko-německý*. Praha, 1835—1939. D. 1—5.
- Karłowicz — Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1900—1911. Т. 1—6.
- Klein — Klein E. *A comprehensive etymological dictionary of the English language*. Amsterdam: Elsevier Publ., 1966—1967. Vol. 1—2.
- Kluge — Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Bearb. von E. Seebold. 24 Aufl. Berlin: De Gruyter, 2002.
- Kott — Kott F. S. *Česko-německý slovník*. D. VI. Praha, 1890.
- LDEL — *Longman dictionary of the English language*. Harlow: Longman, 1984.
- LDHČ — *Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny*. Available at: <http://www.ujc.cas.cz/elektronicke-slovniky-a-zdroje/Lexikalni-databaze-humanisticke-a-barokni-cestiny.html>
- MNTES — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*. 2. L. Benkő (edt.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970.
- OED — *The Oxford English dictionary*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989. 2nd ed. Vol. I—XX.
- PSJČ — *Příruční slovník jazyka českého*. Praha: Státní nakladatelství; Školní nakladatelství; SPN, 1935—1957. D. 1—8.
- Rejzek 2015 — Rejzek J. *Český etymologický slovník*. Voznice: Leda, 2015. 3 vyd., nové, upr. a roz.
- Skorupka — Skorupka S. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1967—1968. Т. 1, 2.
- SČFVS — *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. D. 3: Výrazy slovesné. Čermák F., Hronek J., Machač J. (hl. red.). Praha: Leda, 2009.

- SDwB — *Sudetendeutsches Wörterbuch*. München: Universität Giessen, 1988—. Bd. 1—.
- SGZO — Zborowski J. *Słownik gwary Zakopanego i okolic*. Oprac. i uzupełn. z materiałów Autora przez Zespół Instytutu Języka Polskiego pod kier. Joanny Okoniowej. Zakopane; Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN, 2009.
- SJPD — *Słownik języka polskiego*. W. Doroszewski (red.). Warszawa: Wiedza powszechna, 1958—1969. T. 1—11.
- SSN — *Slovník slovenských nářečí*. Bratislava: Veda, 1994—. [T.] 1—.
- SSSJ — *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Buzássyová K., Jarošová A. (hl. red.). Bratislava: Veda, 2006—. T. 1—.
- SW — *Słownik języka polskiego*. Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Warszawa: Nakł. prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1900—1927. T. 1—8.
- TLFI — *Le Trésor de la Langue Française informatisé*. Available at: <http://www.cnrtl.fr>.
- WBÖ — *Bayerisch-österreichisches Wörterbuch*. I. Österreich: Wörterbuch der bairischen Mundarten in Österreich. Wien, 1983. Bd. 3.
- WFPJP — *Wyrazy francuskiego pochodzenia we współczesnym języku polskim*. Red. naukowa Bochnakowa A., oprac. Bochnakowa A., Dębowiak P., Jakubczyk M., Waniakowa J., Węgiel M.. Kraków: Wyd. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012.
- WOM — *Wörterbuch der obersächsischen Mundarten*. Berlin: Begründet von T. Frings und R. Grosse, 1998. Bd. 1: A—F.
- Wortschatz — *Wortschatz*: Universität Leipzig. Available at: <http://wortschatz.uni-leipzig.de>.
- Zaorálek 1963 — Zaorálek J. *Lidová rčení*. Praha: Naklad. ČAV, 1963.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Березович 2014 — Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. [Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshchieslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [The Russian vocabulary against the Common Slavic background: Semantic and motivational reconstruction]. Moscow: The Russian Education and Science Support Foundation, 2014.]
- Варбот 2015 — Варбот Ж. Ж. Уже не гапаксы // Березович Е. Л. (ред.). Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7—11 сентября 2015 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 48—51. [Varbot Zh. Zh. No longer hapaxes. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 7—11 sentyabrya 2015 g.* Berezovich E. L. (ed.). Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2015. Pp. 48—51.]
- Ивашова 1999 — Ивашова Н. М. Западноевропейские заимствования в говорах Русского Севера. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1999. [Ivashova N. M. *Zapadnoevropeiskie zaimstvovaniya v govorakh Russkogo Severa. Kand. diss.* [West European loan words in the Extreme North idioms. Cand. diss.]. Ekaterinburg: Ural State Univ., 1999.]
- Кагарлицкий 2009 — Кагарлицкий Ю. В. Позитивные характеристики поведения воина на поле боя и семантические сдвиги в их интерпретации в русской культуре Нового времени // Живов В. М. (ред.). Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 271—314. [Kagarlitskii Yu. V. Positive characteristics of the warrior's behavior in battle and semantic shifts in their interpretation in the Modern Age Russian culture. *Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni*. Zhivov V. M. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. Pp. 271—314.]
- Кагарлицкий 2012 — Кагарлицкий Ю. В. *Отвага*: слово и понятие в историко-культурной перспективе // Живов В. М., Кагарлицкий Ю. В. (ред.). Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 75—92. [Kagarlitskii Yu. V. Bravery: The word and concept in the historical and cultural perspective. *Evolutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury*. Zhivov V. M., Kagarlitskii Yu. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 75—92.]
- Леонтьева 2015 — Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции. Дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург: Урал. федеральный ун-т, 2015. [Leont'eva T. V. *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoi semantiki v russkoi yazykovoi traditsii: Dokt. diss.* [Models and spheres of representation of social regulative semantics in the Russian language tradition. Doct. diss.]. Ekaterinburg: Ural Federal Univ., 2015.]

- Морозов, Слепцова 2004 — Морозов И. А., Слепцова И. С. «Круг игры». Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX—XX вв.). М.: Индрик, 2004. [Morozov I. A., Sleptsova I. S. «*Krug igrы*». *Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'yanina (XIX—XX vv.)* [«The circle of game». The holiday and the game in the life of the peasant of the Russian North (XIX—XX centuries). Moscow: Indrik, 2004.]
- Спиридонов 2012 — Спиридонов Д. В. О путях лексикализации фр. *épigone* 'последователь, подражатель' (в дополнение к статье Э. Дюпраза и С. Леруа) // Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13). С. 96—107. [Spiridonov D. V. On the ways of lexicalization of Fr. *épigone* 'follower, imitator' (in addition to the article by E. Dupraz and S. Leroy. *Voprosy onomastiki*. 2012. No. 2 (13). Pp. 96—107.]
- Wierzbicka 2012 — Wierzbicka A. Polskie słowa-wartości w perspektywie porównawczej. Cz. II. Prawość i odwaga. *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Vol. 24. Lublin, 2012. S. 19—46.

Статья поступила в редакцию 15.01.2016.